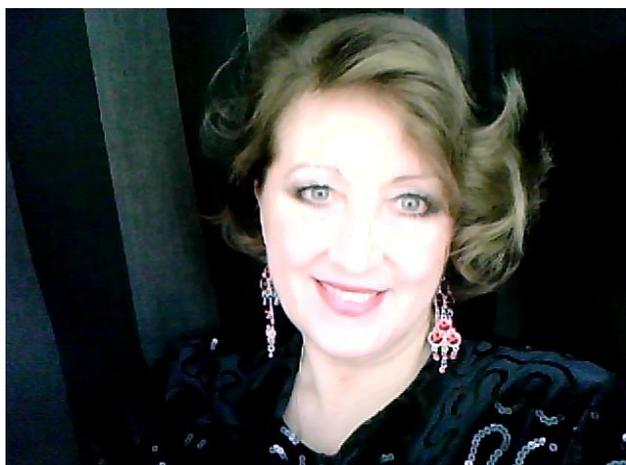

Моя мама - Глебова Людмила Владимировна.

Жаркова Нина Александровна, дочь

Слышу надрывный плач младенца. Ночь, в комнате горит настольная лампа, бабушка сидит на кровати, на окне штора. Глубокая ночь. Картинка смещается, теперь видна дверь в бабушкину спальню... Чего ж я так ору? Пеленки мне мешают! Мама носит меня на руках и, видимо, давно. Это мое первое воспоминание о детстве, впервые я осознала свое присутствие на свете. Сколько мне было? Наверное, от 2 до 6 месяцев, точнее сказать не могу. Мама потом говорила, что я не могу этого помнить, была слишком маленькой. Я была беспокойным младенцем до 6 месяцев. Но я помню! Следующее воспоминание. Мне лет 5, может, меньше. Мама пришла на обед с работы. «Мама, не уходи!» «Доченька, мне надо на работу! Побудь с бабушкой, я приду вечером, а завтра суббота, коротенький денечек, а послезавтра – воскресенье, я никуда не пойду!» Горестный вздох. Летом мы с мамой едем в дом отдыха. «Девочку нельзя оставить тут, тут взрослый дом отдыха, ищите для нее место в частном секторе!» И я спала в крестьянском доме. Там были кошки, такие мягкие и теплые! После этого я стала просить маму взять котеночка. Мама приходила утром, забирала меня, и мы шли на природу. Находили скамейку, садились и ели бутерброды с маслом и черной икрой. В Анжерском доме отдыха была речка Яя. Речка Яя мелкая, чистая и теплая, и я полюбила воду.

Потом началась школа. Мы уже жили отдельно от бабушки с дедом, у меня был уголок за шкафом в нашей однокомнатной квартире, (в доме напротив второй областной больницы), где стояла кровать и книжный шкаф. А еще был стол со спиленными ножками и такой же стул, мне по росту. Моя первая подруга Оля Почекутова («Мой первый друг, мой друг бесценный!...») все время спрашивала меня после уроков: «Куда ты сегодня идешь, к маме? Пойдем к бабушке!»- мы жили в одном подъезде, только мы - на четвертом этаже, а Оля - на пятом. «Ты идешь не к маме, а домой!»-

сердилась мама. Потом начались строгости. В начальных классах я училась не очень хорошо, наверное, не понимала всей важности момента и хороших отметок. Мама приучала меня заниматься. У меня ведь была еще и музыкальная школа, я училась по классу виолончели! «Если ты что-то делаешь, пусть даже уроки, надо делать так хорошо, как только можешь! – говорила мама,- Самый страшный человек – троечник – он все делает, лишь бы только с рук, не будь такой!». Русский язык давался мне без труда, а вот над математическими дисциплинами пришлось попотеть! Мама не выносила, если я чего-то не понимала или ленилась. Могла и наподдать!

Классе в пятом она читала мне вслух Н.А. Некрасова, поэму «Саша». Еще лет в пять я знала по портретам всех русских писателей (был у нас такой набор открыток). Стихи были привычны моему уху с раннего детства и легко запоминались. Классе в 7-м у нас собирались девочки с нашего двора – Люда Маршанцева, Марина Шутова, Лена Швецова, Марина Зорькина – и мы читали Лермонтова. С тех пор помню наизусть почти всего «Демона». Потом пошли стихи Пушкина, Есенина, Маяковского. У последнего я любила лирику и разговор с памятником Пушкина на Тверском бульваре. У нас даже была запись на пластинке стихов Маяковского и Блока. Блока читала Алиса Коонен. А еще сказки. Про голых охотников и другие. Пластинки с пионерскими песнями: «Колеса, бегите, колеса, стучите, колеса, горячее время не ждет...» Почему-то эти песни не передавали по радио, а напрасно! Еще в доме было много пластинок опер. «Травиата» - моя любимая.

Бабушка шила, мама немного ей помогала. Я с раннего детства видела выкройку, знала, что такое «перекатить», ушить, подогнать по фигуре. Мама красиво одевалась благодаря бабушке, потом эти платья доставались мне. В школе нас тоже учили шить, и шитье давалось мне без труда. Так и научилась.

Не обходилось и без курьезов. Однажды к нам домой пришли художники-оформители. Они принесли эскизы для новой книги и стали раскладывать их на полу – нигде больше не было места. А у нас жила кошка Муся. И вот, стоит художник на коленях на ковре и расставляет рисунки возле пианино, а Муська подползает на брюхе к нему сзади, глазищи огромные, ноздри шевелятся и нюхает, нюхает... его носки. Она была непривычна к таким запахам. Он пытается незаметно ее отпугнуть – какое там! Отбежит и опять на брюхе подкрадывается. Бедный парень! Надеюсь, после такого конфуза больше не забывал стирать носки вовремя!

Был еще один смешной случай. К нам должен был придти один автор (мама иногда работала с авторами дома, когда времени на работе не хватало для обстоятельного «разбора полетов»). В назначенное время мы сидели с ней на кухне возле окна и смотрели во двор. Вот видим, как он пересек двор и вошел в подъезд. Одна минута, две, пять, десять... «Да где же он, знакомых, что ли, встретил в подъезде и к ним зашел?!» Через час – телефонный звонок: «Людмила Владимировна, где вы были, я к вам заходил, вас не было дома!» «Я была дома, мы с дочкой видели, как вы вошли в подъезд, куда вы

делись?» «Я позвонил, вы не открыли». «Да не было звонка! Может, вы кнопку плохо нажали? Почему вы не постучали, ведь я вас жду!» «Я позвонил один раз, а еще раз звонить считал неприличным! Если вы меня видели, почему не вышли меня встречать?» Он очень обиделся. Ну что тут скажешь!?

Я часто приходила к маме на работу. Издательство тогда было на Советском проспекте. Она делила кабинет с Игорем Киселевым, он тогда тоже был редактором. Она восхищалась его умом, добротой и талантом. Один раз она рассказала мне, как он подобрал на улице избитого котенка, принес домой, лечил. Мне тогда было лет 10-12, и я тоже его полюбила. Помню, была программа по телевидению, он там говорил о защите природы, о загрязнении Байкала, о том что «скоро срубят последнее дерево, убьют последнего зайца». Тогда я впервые задумалась о защите природы от загрязнения. Тогда, в 60-е, об этом было «не модно» говорить... Еще его стихи:

Ни по воде, ни слету,
Ни пуха, ни пера!
Я не люблю охоту,
Кровавая игра...

И еще одно стихотворение не могу не вспомнить:

Ах Наташа Ростова, Наташа Ростова!
До чего ты мне нравилась, честное слово!
Я влюбленный в тебя приходил на уроки,
Я ходил, как Онегин, печальный и строгий
И друзья меня спрашивали некрасиво;
«Что за муха, приятель, тебя укусила?»
Я угрюмо молчал, ведь они не видали,
Как у школы, у кленов одних на виду
Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду....

Игорь остался в моей памяти как очень добрый человек, всегда улыбающийся. А вот директор издательства В.В.Банников представлял моему детскому воображению одиозной фигурой. «Он бы меня уволил, если бы я так хорошо не работала! Ему придраться не к чему», - говорила мама. Потом уже я поняла, в чем дело. Мама была привлекательна и одинока... Потом директором издательства стала Зинаида Чигарева. «Жить стало легче, жить стало веселее».

Мой отец, Жарков Александр Алексеевич, тоже был учителем русского языка и литературы. После окончания Учительского института они вместе начинали учительствовать где-то в Мордовии. Квартирная хозяйка все время ставила брагу и отец после работы любил пропустить стаканчик. Маме это казалось ужасным пьянством, ведь она выросла в семье почти аскетической, в которой ни отец, ни дед не пили и вообще отличались нетерпимостью к алкоголю. Мама еще с обидой намекала, что папаня вообще вел себя не по-джентльменски. Мириться с таким положением вещей она не могла и не

хотела. Они вернулись в Кемерово, и в 1958 году родилась я. А потом родители развелись. Мама не побоялась остаться одна с маленьким ребенком на руках. Видимо, она сильно нервничала, когда носила меня, поэтому я и была такая беспокойная в младенчестве.

В 1953 году мама работала в школе учительницей. Она выставила из класса одного мальчишку-хулиганишку, а через некоторое время он прибегает зареванный и говорит: «Людмила Влвдимировна, Сталин умер!» Тут все дети как ударились лбами о парты, как давай плакать! Урок, конечно, был сорван. Мама рассказывала, что и она плакала, вся страна плакала, вот такой общественный психоз. Только бабушка по матери (моя прабабушка Мелешкова) перекрестилась и сказала: «Слава тебе, Господи!». Нашу семью тоже не обошли сталинские репрессии, брат дедушки Сергей Семенович Глебов был репрессирован. Помню, как к нам приезжала его жена и дедушка помогал ей получить справку о реабилитации брата (Сергей не вернулся из лагерей). Как была рада эта бедная женщина, когда получила документ! «Я покажу одному-двум, а все знать будут!», - говорила она со слезами радости.

Маме не везло с мужчинами. Сама она была высокообразованная, ответственная, духовная, способная на жертвенную любовь к избраннику, и того же требовала от него. Не нашлось мужчины ее калибра, все попадались какие-то мелкие, корыстные да трусливые. Были в ее окружении интересные и достойные мужчины, но они имели семьи. Для мамы это было табу. Она и мне всегда внушала, что разрушить чужую семью – грех, все равно счастья не будет. И приводила в пример одну свою подругу, которая увела мужа от жены и детей, а потом, через много лет ее мужа увела у нее другая женщина. «Чужая шуба-не одёжа, чужой мужик - не надёжа». Все верно. Еще она всегда с презрением относилась к мужчинам, говорящим плохо о своих женах. «Если она такая плохая, зачем с ней живешь, а если уж живешь - не имеешь права говорить о ней гадости». Это и мое мнение тоже.

Сидят: бабушка и дедушка: Мария Ивановна и Владимир Семенович Глебовы. Стоят: мама, мамина тетка Антипина Феокиста Ивановна (тетя Фаня) и я.1981 год

В войну семья жила в Ачинске. Дедушка прошел войну фронтовым шофером, был тяжело ранен в живот, еле выжил, имеет боевые награды.

«Ах, путь-дорожка, фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая.
Помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома...жена!»
Так пели в то время.

Семья жила в доме Мелешковых, у маминой бабшки. Сама бабушка (мамина мама) работала на мясокомбинате. Иногда сотрудников «отоваривали», и она приносила домой то хвост, то коровий желудок, и тогда в доме был праздник. В моем детстве мы тоже иногда варили требуху. Вкус – специфический! Горячая, с солью, перцем - я бы и сейчас не отказалась! Как-то однажды в такое время пришла к нам моя школьная подруга Лена Чистякова, устала на тарелку: «А что это вы едите?» Мы ее угостили, ей тоже понравилось. Ее родители пришли в ужас, когда она им сказала, что хочет купить рубец. А что тут ужасного? Прабабушка вела дом, дед воевал, бабушка работала, а все мужские заботы легли на плечи тети Фани. Она и в поле ходила косить траву для коровы, и сараюшку своими руками строила для нее и дрова рубила. Характер у нее был тяжелый, властный. Муж ее погиб на войне, больше она замуж не выходила, так и прожила всю жизнь возле сестры и ее семьи.

После окончания школы мама поехала в Москву поступать во ВГИК. Там у нее всерьез спрашивали: «А у вас медведи по улицам не ходят?» Она не поступила, а потом, приехав домой, пошла в учительский институт и стала учительницей русского языка и литературы. Поработав в школе несколько лет, закончила курсы редакторов и пришла в Кемеровское книжное издательство. Дома она рассказывала мне о своей работе, об авторах. Любила работать с Виктором Баяновым, Игорем Киселевым, Катей Дубро, Людмилой Фадеевой (детская писательница из Петербурга). С Катей Дубро ее связывала многолетняя дружба. Это просто удивительно, как девочка, с детства прикованная к постели (у Кати была наследственная болезнь – прогрессирующая атрофия мышц) может писать такие светлые и оптимистические книги! Хорошо помню работу над книжкой Кати «Вернусь звездопадом». А вот Валентину Махалову от нее доставалось за его псевдо-старинный стиль (например «моих сынов» вместо «моих сыновей» и подобное).

Я слышала от мамы такие имена как Волошин, Буравлев, Мазаев – но об этих авторах не помню ничего особенного. А вот книга В. Власова «Кара-тайга» оставила значительный след в памяти. Мама читала вслух отрывки и мы вместе смеялись над приключениями геологов в тайге. Особенно один эпизод врезался в память. Геологи сидели у костра, и к ним в компанию пришел медведь. Все, конечно, переполошились, разбежались в разные стороны от неожиданности, а главный герой Саблин сел в костер. «Сверкая голым задом, несся Саблин, распространяя вокруг себя мерзкий запах горячей тряпки...» Это было здорово! Но эпизод, к сожалению, в книгу не вошел...

К Александру Бересневу мама относилась с уважением, с удовольствием с ним работала и даже помогала иногда ему в бытовых проблемах, например, с переездом из Новосибирска в Кемерово. Была даже аудиозапись, письмо, адресованное маме. К сожалению, я случайно стерла ее, записала концерт В.В.Высоцкого. Потом очень испугалась, и маме ничего не сказала. Но мама любила Высоцкого, я думаю, она бы меня простила. А Саша Береснев умер вскоре после переезда...

Новокузнецкий детский поэт Эдуард Гольцман приезжал часто, они с мамой дружили, он даже делал ей когда-то предложение руки и сердца, но мама отказала. На мой вопрос о причине отказа она сказала мне: «Он хороший, добрый человек, но как я могу выйти за него замуж, я ведь не люблю его». И они остались друзьями. И не только с ним, но и со всей его семьей. Однажды Эдик пришел к нам расстроенный и рассказал такую историю. Он шел мимо детского сада и решил почитать детям свои новые стихи. Дети слушали, им нравилось. А потом Эдик и говорит одному мальчику: «А ты на Тома Сойера похож». Мальчик, видно, решил, что его обижают и сказал: «А ты – на Бармалей!» И тут все дети стали кричать хором: «Бармалей, Бармалей!». Бедный Эдик не знал, что делать. Тут подходит милиционер, отдает честь и спрашивает: «Гражданин, вы почему детей дразните?»

Книгу Тотыша (алтайский национальный писатель) мама редактировала после смерти автора. Рукопись принесла его вдова. Рукопись была «сырая», нужно было много дорабатывать – ведь мама не привыкла выпускать в свет книги, которые оставляли желать лучшего, и она прямо сказала об этом вдове. Та стала просить и даже предложила маме соавторство, но мама наотрез отказалась. И, как оказалось, правильно сделала. Она согласилась только на литературную обработку (точнее не помню, но в титрах книги так

и стояло : автор - Тотыш, литературная обработка – Л.В. Глебова). Когда книга вышла и стали получать гонорар, Тотышиха была очень недовольна, был какой-то скандал, она не хотела делиться. Но ведь литературная обработка – это не редактирование и оплата тут другая – процент от гонорара автора (как я поняла). Мама очень переживала. А ведь за соавторство она бы вообще получила 50%! И с каждого переиздания тоже. Но вот были ли переиздания?

С ленинградской детской писательницей Людмилой Фадеевой мама дружила до самых последних дней. Муж Людмилы – художник, он прислал маме несколько своих картин, они сейчас висят в маминой квартире. Мама часто читала вслух отрывки из книг Людмилы на школьную тему. Они нам очень нравились. Потом Людмила вступила в Союз писателей СССР. Это сейчас много «союзов», а тогда был один.

Мама постоянно старалась улучшить качество книг, работала с авторами, была очень требовательной. Многие даже обижались. Потом, правда, понимали ее правоту и благодарили. Издательство не только издавало книги кузбасских писателей, но и переиздавало другие книги, среди которых меня очень порадовали: «Сонеты» Шекспира, подарочное издание в твердом переплете мини-формата, Сафо, «Три товарища» Э.М. Ремарка, «Анжелика» А. И С. Голон. Жалко, что областное начальство не помогло сохранить издательство. Неужели людям больше не нужна духовная пища? Ведь «не хлебом единым...». Может быть, стоит поднатужиться и возродить издательство?

Я стала взрослая. Меня уже тяготила гиперопека таких сильных и авторитарных женщин, как мать и тетя Фаня, а ведь были еще и бабушка с дедом!

Я вышла замуж и уехала в Новосибирск. Потом судьба занесла меня в Швецию, где я теперь и живу. Я подтвердила мой русский диплом, получила легитимацию врача Евросоюза, работала в разных городах Швеции. Потом повторно вышла замуж за гражданина Швеции, но при этом коренного венецианца. Но это уже совсем другая история. Мы с мамой отделились друг от друга, писали письма, разговаривали по телефону... Она рассказывала о клубе «Слово», о поэтессах. Она стала редактировать их стихи. Но работала не со всеми. Очень любила Галину Медину. И вдруг, как гром среди ясного неба – рак! Я жалела, что не могу разорваться на две части – надо быть и дома с мамой, и в Швеции, где муж и работа. За последние полгода ее жизни я приезжала пять раз, а дорога-то неблизкая! Хотела быть рядом с ней в последние часы, да не пришлось. Книжка Г. Мединой «Пригласите меня» стала последней и для Галины, и для ее редактора. Мама умерла 21 января 2014 года. Перед смертью она успела подержать в руках сигнальный экземпляр книги Галины Мединой, как и мечтала. Ее похоронили на 5 кладбище г. Кемерово. Она завещала похоронить ее рядом с родителями и тетей Фаней. Я приехала летом и перезахоронила ее там, где она хотела. Там еще есть место для меня - «последнего из могикан».

Кемерово, 2015.